

287. А. В. ДРУЖИНИНУ

13—14 (25—26) января 1857. Чивитта-Веккия

Чивитта-Веккия. 25 янв(аря) 1857.

Милейший друг.

Я виноват перед Вами моим долговременным молчанием, которое, конечно, было причиною, что и Вы ко мне не писали. Письмо Ваше я получил давным-давно, до меня доходят также слухи о Вашей журнальной деятельности от Тургенева из Парижа, куда я сам теперь еду. Говорят, Вы молодецки повели дело.¹ Я в этом не сомневался и — что еще важнее, — не сомневаюсь в постоянстве Вашей деятельности. Я видел уже на опыте, что Вы можете вести продолжительно, ровно и притом красиво. Это, при должной осмотрительности, не переходящей, однако, в пугливость (которая в журналисте, по крайней мере, столько же могла бы быть вредна для литературного движения, как и излишняя рьяность), — это самые необходимые журналисту качества, и я рад, что Вы, а не иной кто, вступили на эту дорогу. Не все же Старчевским² да Краевским³ держать литературные вожжи, которые — что ни говори — у нас в руках журналистов. Итак, дай Вам бог терпенья, а уменья у Вас хватит! В Париже увижу «Библиотеку» и напишу Вам. Что касается до наших журнальных отношений, то об этом посланы от меня Чернышевскому самые определенные внушения,⁴ от которых, я надеюсь, он не отступит.

Понедельник 26 янв(аря). Предыдущее писал я Вам из Чивитта-Веккия (городишко приморский близ Рима), а теперь пишу из Ливорно, сделав в ночь препоганый переезд. Качка меня не берет, но все-таки было скверно — и впереди еще два плохих переезда, пока доберусь до Марселя и железной дороги. Ливорно такая дрянь, о которой не стоит говорить. Вообще Италия зимой, куда ни загляни — жалкая вещь, единственная краса ее — синее небо и теплый воздух; этого зимой нет — значит, и ничего нет. Храни Вас бог от мысли ехать в Италию зимой!

Перо такое поганое, что мочи нет — продолжать буду в Генуе, если там попадется перо получше.

Поглядел на Ливорно и нахожу, что город не так гадок, как показался с первого взгляда, — движение страшное, разнохарактерность одежд и рож удивительная, дешевизна всего — невообразимая! а все-таки ничего нет гаже, как толкаться между чуждым народом.

С изнеможением в кости⁵ — черт знает как медленно тянется время! Пароход увозит в 4 часа, а я здесь уж болтаюсь с 9-ти утра. До того дошел, что даже осмотрел жидовскую синагогу! И все-таки добил время только до 12 1/2! Вот самая нестерпимая вещь в путешествии — эти пережидания, которые неизбежны и беспрестанны, если к этому прибавить поминутное таскание себя и своих вещей, переезды до пристани в экипаже, до парохода — в лодке, то же наоборот, и при этом адски скучная необходимость держать кошелек постоянно отворенным, — то окажется, что не из чего хлопотать!

Примечания

Подлинник: РГАЛИ, ф. 167 (А. В. и Г. В. Дружининых), он. 3, № 199, л. 2—4.

Впервые: ЛН, т. 51—52, с. 25—26.

Письмо, очевидно, не было отправлено: см. п. 291.

¹ Речь идет о редактировании Дружининым «Библиотеки для чтения». Отзыв Некрасова не выражал его искреннего отношения. В декабре 1856 г., т. е. месяцем раньше, в письме

Тургеневу (см. п. 278) он характеризует «дружининское направление» в литературе как «говно со сливками».

² А. В. Старчевский.

³ А. А. Краевский.

⁴ Письмо неизвестно. В «Воспоминаниях о Некрасове» Н. Г. Чернышевский отмечал, что в «Современнике» он заменил Дружинина, которого, в свою очередь, охотно принял Краевский в «Отечественные записки» (см.: Чернышевский, т. I, с. 714—742).

⁵ Строка из стихотворения Тютчева «Как птичка раннею зарей»:

Как грустно полусонной тенью,
С изнеможением в кости,
Навстречу солнцу и движенью
За новым племенем брести.